

Завершинская Н.А., Завершинская П.К. Кинематографические «прочтения» советской эпохи как проекция воспоминаний и забвений современного российского общества // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – № 3. – С. 13–19. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.3.02

Zavershinskaya N.A., Zavershinskaya P.K. Cinema "readings" of the Soviet era as projection of memoirs and oblivion of modern Russian society. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2017, no. 3, pp. 13-19. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.3.02

DOI 10.15593/perm.kipf/2017.3.02
УДК 3167(47+57)

Н.А. Завершинская, П.К. Завершинская

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ «ПРОЧТЕНИЯ» СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ КАК ПРОЕКЦИЯ ВОСПОМИНАНИЙ И ЗАБВЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются особенности функционирования культурных механизмов воспоминаний и забвений советского прошлого в пространстве современной российской культуры. Содержание отечественной культурной памяти анализируется авторами на основании изучения визуальных кинорепрезентаций советской повседневности. В связи с этим особый интерес представляет механизм перекодирования «следов» советского прошлого в современном российском смысловом контексте. Отмечая, что нет памяти, способной удержать прошлое как таковое, как оно когда-то существовало в действительности, авторы подчеркивают, что прошлое всегда является культурной конструкцией, подвластной всем использованиям и манипуляциям. Парадоксальные примеры «читаемости» следов советского прошлого дает нам современная российская культура, которая проявляет удивительную изобретательность в продуцировании новых кодов для наделения современными смыслами канувшие в лету советские практики. Характеризуя сформировавшийся в России социальный запрос на припоминание недавно пережитой советской истории, авторы проводят идею о том, что масскульт и, соответственно, киноиндустрия транслируют сегодня многочисленные идеализации советского прошлого, которые пришли на смену разоблачительному пафосу 80–90-х годов. Вопрос о современных ностальгических настроениях авторы связывают с пережитой российским социумом социокультурной травмой, связанной с крушением СССР и последующими неудачными реформами в постсоветский период. Воспроизводство «советского (трансгисторического) типа сознания» в современной России нецелесообразно воспринимать, по убеждению авторов, в духе «идеологической подозрительности» 60–70-х годов прошлого века. На самом деле все объясняется кодами национальной культуры, которые воспроизводят советские архетипические структуры в настоящем и проводниками которых является каждый из нас. Именно благодаря их работе механизм адаптации символов и смыслов прошлой эпохи к реалиям современной оказывается очень эффективным.

Ключевые слова: культурная память, культурная конструкция, ностальгия по советскому, ностальгический маркетинг, ретросериал, стилизация, культурная травма, миф, идеология, коды национальной культуры.

N.A. Zavershinskaya, P.K. Zavershinskaya

CINEMA "READINGS" OF THE SOVIET ERA AS PROJECTION OF MEMOIRS AND OBLIVION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Features of the functioning of cultural mechanisms of memories and forgetfulness of the Soviet past in the space of modern Russian culture are considered. The content of the national cultural memory is analyzed by the authors on the basis of the study of visual cinema representations of Soviet everyday life. In this connection, the mechanism of recoding the "traces" of the Soviet past in the contemporary Russian context is of particular interest. Noting that there is no memory that can hold the past as such, as it once existed in reality, the authors emphasize that the past is always a cultural construction that is subject to all uses and manipulations. Paradoxical examples of the "readability" of the traces of the Soviet past are given to us by modern Russian culture, which shows remarkable ingenuity in the production of new codes to impose Soviet practices that have sunk into oblivion. Describing the social demand formed in Russia for recalling the recently experienced Soviet history, the authors pursue the idea that the mass culture and the film industry are broadcasting today the many idealizations of the Soviet past that have replaced the revelatory pathos of the 80s and 90s. The issue of contemporary nostalgic moods is associated with the sociocultural trauma experienced by the Russian society, connected with the collapse of the USSR and subsequent unsuccessful reforms in the post-Soviet period. Reproduction of the "Soviet (transhistorical) type of consciousness" in modern Russia is inexpedient to perceive, according to the authors, in the spirit of "ideological suspicion" of the 1960s and 1970s. In fact, everything is explained by the codes of national culture, which are reproduced by the Soviet archetypal structures in the present and by the guides of each of us. It is thanks to their work that the mechanism of adapting the symbols and meanings of the past epoch to the realities of modern is very effective.

Keywords: cultural memory, a cultural design, nostalgia on Soviet, nostalgic marketing, retroseries, stylization, a cultural trauma, the myth, ideology, codes of national culture.

© Завершинская Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия», e-mail: zna07@yandex.ru.

Завершинская Полина Константиновна – студентка 3-го курса по направлению подготовки «Культурология. Культура Германии», ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», e-mail: polina_z@hotmail.com.

Мы в значительной мере являем собой то,
о чем помним и что забываем.

Алейда Ассман

Дух советской эпохи в символическом пространстве российской культуры

Российское общество, теряющее с каждым годом непосредственное ощущение советской эпохи, демонстрирует повышенный интерес к его «ретропродуктам». Появляются даже утверждения, транслируемые коммерческой рекламой: «Советское в наших генах» (как, например, в уличной рекламе Санкт-Петербургского кафе «Коммуналка.ру» на проспекте Медиков).

Действительно, российское общество демонстрирует социальный запрос на актуализацию советского прошлого. Особенно бурно развивается сегодня ностальгический маркетинг, использующий советские бренды: «Советское шампанское», пиво «Жигулевское», шоколад «Аленка», конфеты «Мишка на Севере», плавленый сыр «Дружба», во многих городах появились столовые с брендом «Советская», рестораны с брендом «Ленком» и т.д.

На эстраде множатся ремейки советских песен: достаточно вспомнить «Старые песни о главном» (1995–2000) и не только это. Часто обращается к советскому песенному наследию передача «Достояние Республики». Хорошей традицией стали творческие вечера поэтов и композиторов-песенников: юбилейный вечер к 90-летию Александра Зацепина (1 канал ТВ, 10.11.2016), к 80-летию Раймонда Паулса (06.11.2016), творческий вечер Александра Журбина (04.11.2015) и т.д.

Российская политика также нередко прибегает к актуализации советского. Как в СССР, так и в современной России проводятся военные парады в честь Победы 9 мая. Хотя официально День Великой Октябрьской Социалистической революции больше не празднуется, тем не менее 7 ноября 2016 года был проведен торжественный марш на Красной площади в честь 75-летия парада 7 ноября 1941 года. Следовательно, день Октябрьской революции теперь начал отмечаться как день военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, т.е. была произведена его перекодировка [1, с. 105].

Дух советского демонстрирует российская дипломатия, российская экономика и пр. По словам В. Куренного, руководителя Школы культурологии НИУ ВШЭ, «у нас некоторые институты советского общества были не то что не упразднены переходом к постсоветской системе, а только усилены» [2]. Лев Шлосберг, председатель Псковского регионального отделения партии «Яблоко», также замечает, что «нынешние ностальгические просоветские настроения в обществе вполне соответствуют интересам действующих российских властей – они воспроизводят советские подходы в политике» [3].

Предметом нашего внимания станут образы советской эпохи, формируемые современным российским кинематографом на основе селективного отбора воспоминаний и забвений прошлого. О популярности советской темы у отечественных кинематографистов свидетельствуют многочисленные сериалы, появившиеся на наших телеэкранах: «Московская сага» (Д. Барщевский, 2004), «Громовы» (А. Баранов, 2006), «Ликвидация» (С. Урсуляк, 2007), «Стиляги» (В. Тодоровский, 2008) и др.

С 2000 по 2010 год на Первом канале (ранее ОРТ), по подсчетам исследователей, вышло более 90 ретросериалов. В последнее время их число пополнилось такими сериалами, как «Оттепель» (В. Тодоровский, 2013), «С чего начинается Родина» (Р. Кубаев, 2014), «Палач» (Вяч. Никифоров, 2015), «Орлова и Александров» (В. Москаленко, 2015), «Ленинград 46» (И. Копылов, 2015), «Фарца» (Е. Баранов, 2015), «Однажды в Ростове» (К. Худяков, 2015), «Рожденная звездой» (М. Ким, 2015), «Королева красоты» (Карен Оганисян, 2015), «Людмила

Гурченко» (С. Алдонин, 2015), «Семейный альбом» (Л. Прудовский, 2016), «Таинственная страсть» (В. Фурман, 2016), «Черная кошка» (А. Сиверс, 2016) и т.д.

Можно предположить, что в обозримом будущем доля кинофильмов и ретросериалов о советской эпохе на российском ТВ будет оставаться достаточно большой.

Особенности диалектического механизма воспоминаний и забвений советской эпохи

Визуальная репрезентация советской эпохи в отечественных фильмах и сериалах свидетельствует о противоречивой картине культурной памяти, функционирующей в современной России. Такая противоречивость не является какой-то аномалией, присущей исключительно нам, россиянам. Как отмечают Алейда Ассман, Пьер Нора и другие исследователи [4, 5, 6], память множественна и неделима, коллективна и индивидуальна, функционирует и как национальная (социальная) память, и как институциональная память, и как культурная память, а в последнее время и как глобальная память. Понятно, что существуют различия между разнообразными формами памяти. Так, культурная память в отличие от национальной памяти, ориентированной на единство и однозначность, нормативную обязательность и коллективные ритуалы, является более сложным и изменчивым образованием. Для нее характерно гораздо большее многообразие символических средств, в которых она воплощается. Память укоренена в конкретном и отражается в текстах, визуальных образах, трехмерных артефактах: в книгах, фильмах, рекламе, марках, всевозможных этикетках, денежных знаках, даже в моделях одежды, прическах, жестах и т.д. Воспоминания, которые они заключают в себе, живут благодаря этим символическим средствам. Они представляют собой, по словам П. Нора, «моменты истории, оторванные от течения истории, но вновь возвращенные ей. Уже не вполне жизнь, но еще и не вовсе смерть, как эти ракушки, оставшиеся лежать на берегу после отлива моря живой памяти» [6, с. 27].

Хотя как национальная память, так и культурная память базируются на символах как опорных пунктах памяти, для культурной памяти центральную роль играют индивидуальные способы обращения к ней, ведь, как справедливо утверждает П. Нора, «память – это феномен исключительно индивидуальный» [6, с. 25]. Смыслы культурной памяти усваиваются индивидом и приобщают его к опыту, который он сам не приобретал, тем самым обогащают опыт индивида. Но, чтобы интериоризировать вневременные смыслы культурной памяти, они должны быть заново состыкованы с живой памятью и усвоены ею. Усваивая эти смыслы и свободно идентифицируя себя с ними, индивидум осуществляет наряду с персональной и социальной свою культурную самоидентификацию [4, с. 31–32].

Национальная (политическая) память имеет тенденцию к унификации и инструментализации, а культурную память в силу ее медиальных и материальных свойств невозможно подвергнуть радикальной унификации. Ее компоненты принципиально открыты для множества различных толкований и повторных переосмыслений [4, с. 58–59].

Содержимое культурной памяти, экстернализированное и объективированное в символах, нуждается по ходу истории в постоянном истолковании, обсуждении и обновлении, поскольку оно должно соответствовать актуальным потребностям и вызовам современности.

Пребывая в процессе постоянной эволюции, память, по словам Нора, «открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим» [6, с. 20].

Нет памяти, способной удержать прошлое как таковое, как оно когда-то существовало в действительности. Прошлое всегда является культурной конструкцией. Что-то при этом подвергается забвению, а что-то отбирается и выборочно запоминается. Современность обладает определенной свободой в отношении прошлого. Такая свобода дает возможность заниматься критикой официальных версий истории и возвращением на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса; восстановлением следов уничтоженного или отнятого прошлого; юридическим сведением счетов с прошлым и т.д.

Динамика припоминания и забвения всегда присутствует в культуре. Ведь отношения между припоминанием и забвением, между сознательным и бессознательным, между явным и латентным, между функциональной и накопительной памятью и составляют структуру культурной памяти [4, с. 58].

Забвение представляет собой латентную память, к которой мы, по словам А. Ассман, потеряли пароль. Припоминание – это актуализация в сознании того, что осело в накопительной памяти. Следы прошлого, контактируя с нынешней мыслью, порождают состояние «читаемости». Ведь то, что в определенный момент времени общество выбраковывает, лишает своего внимания и чем оно пренебрегает, еще не совсем утрачено и забыто. Следы прошлого могут быть собраны и сохранены для другой эпохи, когда они будут вновь открыты и заново истолкованы [4, с. 55–56]. Парадоксальные примеры «читаемости» следов советского прошлого дает нам современная эпоха в сфере услуг, изобретая новые коды для наделения современными смыслами канувшие в лету советские практики. Возьмем, к примеру, самарский магазин расходных материалов к оргтехнике «В расход!». Возьмем также отдельные советские плакаты, прочитанные заново соответственно новым вызовам (7, с. 71–77). Уже упоминались аналогичные прочтения в российской политике. К подобным прочтениям советского прибегает также отечественная киноиндустрия.

Стилизация советского прошлого как проекция социального запроса

В ходе социальной и культурной эволюции меркнут и исчезают воспоминания и переживания реальных событий, что, конечно, отражает и современный российский кинематограф. Кинематограф демонстрирует нам многочисленные примеры того, как стираются реалистические образы пережитого советского в нашей памяти, как современные отечественные режиссеры и сценаристы отходят от достоверного изображения советского на экране и создают мифологемы и штампы.

Характеризуя динамику воспоминаний и забвений в начале XXI века, отметим, что в современной России маятник воспоминаний качнулся от интереса к раскрытию «белых пятен» советской истории, который пришелся на конец 80-х – 90-е годы, к его стилизации, поскольку у публики сформировался запрос на миф о советском. Отвечая на этот запрос, масскульт и, соответственно, киноиндустрия транслируют многочисленные идеализации советского прошлого. Даже фильм «Оттепель» со всем его разоблачительным пафосом в адрес властей предрежащих романтизирует повседневность начала шестидесятых годов. «В «Оттепели», по словам Миры Григорьевны Тодоровской, «я увидела все то, чем наша семья жила в 60-х годах. Правда, мы жили гораздо беднее...» [8]. Несмотря на то, что в действительности «жили беднее», в фильме демонстрируется, например, изысканное нижнее белье героев сериала «Оттепель», «доступные рестораны с морем выпивки, доступные женщины модельной внешности... Парадоксальным образом, сюжет «Оттепели» приводит зрителя к выводам, что в шестидесятые была ну просто такая свобода, что ограничить ее было не грех, иначе дальше только вседозволенность! Это время, в котором талантливые люди не могут себя реализовать лишь из-за неверия в собственные силы и происков «друзей». Власть тут ни при чем, она тогда помогала творческим людям!» [9].

Забвение присутствует в экранируемой российскими режиссерами советской культуре еды и насыщения, изображаемой с набором всех столовых приборов, салфетницами и салфетками и пр. Иногда режиссеры, увлеченные образами тотального советского дефицита, впадают в другую крайность. Создатели сериала «Обратная сторона луны» ассортимент соков в столичной столовой 1979 года ограничивают одним наименованием березового сока, в то время как наряду с березовым продавали томатный, яблочный и виноградный. Но некоторые негативные «вкрапления», к которым прибегает российский кинематограф, не разрушают очарования от общей позитивной картины советского прошлого. Как, например, в фильме В. Тодоровского «Стиляги» сцены, изображающие комсомольские патрули и суды над модно одетой молодежью, ведущими иной образ жизни и ориентированными на иные ценностные установки, не вызывают ощущения, что жить в СССР было ужасно.

«Весьма эффективен механизм адаптации символов и смыслов иной эпохи к реалиям новой (лежащий в основе «ретро»). В этом случае изъятые не должны нести на себе «пугающие отпечатки» прошлого. Именно механизм адаптации позволяет сохранить плюсы прошлого – подлинные или вымышленные, – отказавшись от его минусов» [10, с. 85].

Что скрывается за историческим забвением, присущим многим отечественным ретро-сериалам? Почему хочется при воспоминаниях о советской эпохе выбирать из набора прошлого наиболее приятные элементы, которые бы не только не разрушали, а, наоборот, подчеркивали связь и близость многих повседневных ценностей советской эпохи и повседневных ценностей настоящего? В основе этих ностальгических настроений коренится пережитая российским социумом социокультурная травма, связанная с крушением СССР и последующими неудачными реформами в постсоветский период. Отечественные исследователи правы, когда обращают внимание на то, что травмированное российское общество, разочаровавшись в настоящем, не веря в будущее, не будучи способным адаптироваться к новым ценностям, старается найти себе точку опоры в советском прошлом, которое неизбежно идеализируется. Это время вспоминается как время существования великой страны, время великой Победы над фашистскими захватчиками, время великих достижений в космосе, в спорте, в культуре, время, наконец, настоящих духовных ценностей, воодушевлявших советский народ, таких как социальная справедливость, коллективизм, интернационализм, братство народов и т.д.

Стихи Андрея Дементьева «Скучаю по Советскому Союзу» в этом смысле очень симптоматичны: «Скучаю по Советскому Союзу./Не потому, что нам держал петлю./А по тому, что подарил мне Музу./И не сводил всю жизнь мою к рублю./Скучаю я по молодости нашей./Что не умела завидный куш./скучаю по наивности вчерашней/И по всеобщей родственности душ./К цинизму мы тогда не привыкали/И думали не только о себе.../И не копались наглыми руками/В чужой беде или в чужой судьбе./А ныне на экране взлет нежданный/Империю цинизма, страха, зла./Я не хочу, чтоб с этого экрана/Мне прямо в душу чья-то кровь текла» [11].

В десятые годы XXI века, по свидетельству отечественных исследователей, признаки культурной травмы на отечественном телевидении не уменьшаются, а нарастают [12]. Одним из таких признаков (наряду с другими) является как раз нескончаемая серия ретрофильмов на российском ТВ, изображающих идеализированные сюжеты советской повседневности.

Глядя из сегодняшнего дня в прошлое, многое теперь переоцениваем позитивно. «Я, вероятно, вас удивлю, когда скажу, – отмечает известная киновед Н. Зоркая, – что это была прекрасная эпоха советского кино (имеются в виду как раз 60–80-е годы. – Ф.Р.). Это, разумеется, взгляд из времени сегодняшнего – тогда мы так не думали. Тогда мы думали: застой, цензура, полка, вечная необходимость сопротивления, борьба...» [13].

Культуролог Даниил Дондурей в статье «Российская смысловая матрица», опубликованной в газете «Ведомости» 01.06.2016, подчеркивает: «В результате в 2015 г. 38 % соотечественников были твердо убеждены, что Россия после 1991 г. пошла по неправильному пути, а 32 % вообще все произошедшее со страной считают настоящей трагедией. И это невзирая на беспрецедентное улучшение качества жизни, уничтожение плановой «цивилизации дефицита», увеличение на 36 млн количества автомобилей в собственности граждан, сорокакратный рост числа зарубежных паспортов и 23 трлн руб., лежащих, помимо кубышек, на личных счетах в банках. Все эти годы общество исподволь, но твердо воспитывалось в убеждении, что недавнее благополучие – следствие преодоления государством аморального наследия «лихих 90-х» [14].

Правильно ли обвинять идеологов и пропагандистов в том, что все последние годы российское общество с «советским (трансгисторическим) типом сознания» неправильно воспитывалось? Что из-за них россияне до сих пор болеют ностальгией по советскому? Отвечая на поставленный вопрос, обратимся к современным исследователям культурной памяти, которые настаивают на отказе от «презумпции идеологической подозрительности» [4, с. 28]. «То, что в политизированные 1960-е и 1970-е годы именовались “мифами” и “идеологиями”, как подчеркивает Аассман, подпадает с начала 1990-х годов под категорию коллективной памяти» [4, с. 27].

Д. Дондурей также солидарен с высказанной позицией: «Не пресловутые же “пропагандисты” ответственны за национальную аутентичность, культурные архетипы, стереотипы и проч. Они только пользуются этой почвой...». Они, т.е. высшие чиновники, генеральные продюсеры телеканалов, знаменитые ньюсмейкеры, ученые, прокуроры, журналисты, бизнес-аналитики, сценаристы сериалов, директора школ и прочие, являются лишь операторами, проводниками. «Нет никакой конспирологии в том, что в сохранении фундаментального “положения вещей” практически участвуем мы все. Не важно, по профессиональным обязанностям, за деньги или по велению сердца. Воспроизводство каркаса русского мира идет не из желания угодить власти или упрочить свое карьерное или бизнес-положение. Мы действительно так в большинстве случаев думаем, так смотрим на мир, так переживаем происходящее. ...Смысловики в отличие от пропагандистов не получают специальных заданий по работе с массовым сознанием. Они просто живут в своей естественной среде, у себя дома. Делают то, что и всегда – воспроизводят коды национальной культуры» [14].

Таким образом, наше ностальгически переживаемое прошлое формируется духовными запросами и потребностями современной российской реальности. Представленные кинематографом «прочтения» советской эпохи носят мифологизированный, ресторативный характер, поскольку направлены на идеализацию советского прошлого и несут в себе пафос сожаления по поводу происшедших в 90-х годах перемен и краха СССР. Переживаемая сегодня отечественной культурой бесконечная коллизия советских образов, в производство которых вносит свой вклад и киноиндустрия, означает то, что мы пока неспособны справиться со временем и историей. Впрочем, не только мы одни существуем сегодня во «вневременном времени» (М. Кастельс)...

Список литературы

1. Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое / The New Past. – 2016. – № 1. – С. 100–129.
2. Волошина В. Люди закрытого общества [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2016. – 10 апреля. – URL: https://www.gazeta.ru/comments/2016/04/07_a_8165105.shtml (дата обращения: 12.02.2017).
3. Шлосберг Л. Россия близка к возвращению советского государственного устройства [Электронный ресурс] // Росбалт. – 2016. – 19 апреля.. – URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/04/19/1507925.html> (дата обращения: 12.02.2017).

4. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
5. Васильев А. Memory studies: единство парадигмы – множество объектов [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 117. Журнальный зал. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/> (дата обращения: 12.02.2017).
6. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17–50.
7. Завершинская Н.А. Гендерные структуры памяти о советском в дисциплинарном пространстве российского социума // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 5. – С. 64–78.
8. Тайны сериала «Оттепель» [Электронный ресурс] // Mnogoto4ka.ru. – 2014. – 22 мая. – URL: <http://mnogoto4ka.ru/p8767/> (дата обращения: 12.02.2017).
9. Юсев А. «Оттепель» для тех, кому мила зима» [Электронный ресурс] // Рабкор: интернет-журнал. – URL: <http://rabkor.ru/culture/tv/2014/01/20/thaw/> (дата обращения: 12.02.2017).
10. Швец М.В. Механизмы и многообразие форм актуализации «советского» в современной российской культуре // Вестн. Самар. муниципального ин-та управления. – 2013. – № 4 (27). – С. 82–92.
11. Дементьев А. Скучаю по Советскому Союзу [Электронный ресурс] // Стихи.ру. – URL: <http://www.stihi.ru/2014/11/20/4927>. (дата обращения: 11.02.2017).
12. Новикова А. Мифы о советских ценностях на современном российском телевидении // Теория художественной культуры. – М.: ГИИ, 2012. – Вып. 14. – С. 340–358.
13. Раззаков Ф.И. Индустрия предательства, или Кино, взорвавшее СССР [Электронный ресурс]. – URL: <http://fanread.ru/book/9611704/?page=20> (дата обращения: 12.02.2017).
14. Дондурей Д. Российская смысловая матрица [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2016. – 1 июня. – URL: <http://kinoart.ru/editor/rossijskaya-smyslovaya-matritsa> (дата обращения: 11.02.2017).

References

1. Shnirel'man V.A. Sotsial'naia pamiat' i obrazy proshlogo [Social memory and images of the past]. *The New Past*, 2006, no. 4, pp. 100-129.
2. Voloshina V. Liudi zakrytogo obshchestva [People of a closed society]. *Gazeta.ru*, 2016, 10 april, available at: https://www.gazeta.ru/comments/2016/04/07_a_8165105.shtml (accessed 12 February 2016).
3. Shlosberg L. Rossiia blizka k vozvrashcheniiu sovetskogo gosudarstvennogo ustroistva [Russia is close to the return of the Soviet state system]. *Rosbalt.ru*, 2016, 19 april, available at: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/04/19/1507925.html> (accessed 12 February 2016).
4. Assman A. Dlinnaia ten' proshlogo: memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika [A long shadow of the past: a memorial culture and historical politics]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014, 328 p.
5. Vasil'ev A. Memory studies: edinstvo paradigmy – mnozhestvo ob'ektov [Memory studies: unity of the paradigm - a lot of objects]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, no. 117, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/> (accessed 12 February 2016).
6. Nora, M. Ozuf, Zh. de Piuimezh, M. Vinok. Problematika mest pamiati [The problem of memory places]. Saint Petersburg, *Politekhnikeskii universitet*, 1999, pp. 17-50.
7. Zavershinskaia N.A. Gendernye struktury pamiati o sovetskom v distsiplinarnom pro-stranstve rossiiskogo sotsiuma [Gender structures of memory of the Soviet in the disciplinary space of the Russian society]. *Polis. Political Studies*, 2010, no. 5, pp. 64–78.
8. Tainy seriala «Ottepel'» [Secrets of the series "Thaw"]. *Mnogoto4ka.ru.*, 2014, 22 May, available at: <http://mnogoto4ka.ru/p8767/> (accessed 12 February 2017).
9. Iusev A. «Ottepel'» dlia tek, komu mila zima» ["Thaw" for those who love the winter"]. *RABKOR Online Magazine*, available at: <http://rabkor.ru/culture/tv/2014/01/20/thaw/> (accessed 12 February 2017).
10. Shvets M.V. Mekhanizmy i mnogoobrazie form aktualizatsii «sovetskogo» v sovremennoi rossiiskoi kul'ture [Mechanisms and variety of forms of actualization of the "Soviet" in contemporary Russian culture]. *Bulletin of the Samara Municipal Management Institute*, 2013, no.4, pp. 82-92.
11. Dement'ev A. Skuchaiu po Sovetskomu Soiuzu [I miss the Soviet Union]. *Stihi.ru*, available at: <http://www.stihi.ru/2014/11/20/4927> (accessed 11 February 2017).
12. Novikova A. Mify o sovetskikh tsennostiakh na sovremennom rossiiskom televidenii [Myths about Soviet values on modern Russian television]. *Teoriia khudozhestvennoi kul'tury*. Iss. 14. Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia, 2012, pp. 340-358.
13. Razzakov F.I. Industriia predatel'stva, ili Kino, vzorvavshee SSSR [The industry of betrayal, or Cinema, which blew up the USSR], available at: <http://fanread.ru/book/9611704/?page=20> (accessed 12 February 2017).
14. Dondurei D. Rossiiskaia smyslovaia matritsa [Russian semantic matrix]. *Vedomosti*, 2016, 1 june, available at: <http://kinoart.ru/editor/rossijskaya-smyslovaya-matritsa> (accessed 11 February 2017).

Получено: 21.02.2017

Принято к печати: 1.07.2017